



Хулапова А.А.

## Система критического индивидуализма Е.А. Боброва

*В статье анализируются особенности психологической концепции критического индивидуализма, разработанной Е.А. Бобровым в духе учения Лейбница о монаде как «индивидуальном бытии». Согласно этой теории, реально существуют только индивидуальные духовные субстанции, которые создают окружающую действительность. Рассматривается вопрос, каким образом в разуме человека появляется понятие внешнего мира, находящегося за пределами души.*

**Ключевые слова:** персонализм, критический индивидуализм, монадология, бытие, координация, внешний мир, самосознание, душа, субстанция.

Евгений Бобров (1867–1932) – один из выдающихся, талантливых ученых России конца XIX – начала XX вв. В истории отечественной психологической мысли фигура Боброва занимает особое место: он профессор Дерптского, Казанского, Варшавского, затем Донского, Северо-Кавказского университета, литератор, переводчик, философ, историк психологии, оставивший после себя более трехсот произведений, создатель оригинальной теории критического индивидуализма, а также основатель Ростовской психологической школы.

Деятельность Е.А. Боброва как ученого исследователя и университетского профессора отличается многосторонностью и широким охватом: история русской литературы и просвещения, педагогика, психология и философия – вот те области знания, которым было посвящено научное творчество Евгения Александровича, в каждую из которых он сделал солидный вклад. Как момент в развитии отечественной историко-психологической мысли, теория и личность профессора Боброва представляют немалый интерес и важность.

Следует отметить, что произведения Е.А. Боброва, написанные около ста лет назад, не переиздавались, его психологические взгляды до сих пор не рассматривались целостно в истории психологии. Научная деятельность профессора мало изучалась и представлена в основном статьями в словарях и энциклопедиях, до сих пор нет описания его подробной биографии. Не исследованы архивы Боброва, слабо разработан вопрос о влиянии его научного наследия на современную психологию. Большую помощь в решении данной проблемы может оказать архив семьи Бобровых, который находится в Институте Русской литературы (Пушкинском Доме) РАН в Санкт-Петербурге.

В учебниках и пособиях по истории психологии и философии о Боброве упоминают А.Е. Годин, А.Н. Ждан, В.В. Зеньковский, В.Ф. Пустарнаков, Ф.Ф. Серебряков и др.

Основная масса публикаций, посвященных творчеству Боброва, появилась до революции 1917 г. (А.И. Введенский, С.А. Венгеров, А.А. Козлов, Э.Л. Радлов, Т.И. Райнов и др.). Из современных изданий существует несколько разрозненных статей, посвященных отдельным аспектам научной деятельности профессора



(А.Н. Ерофеева, М.И. Ивлева, М.А. Прасолов, В.С. Сидоров, В.В. Смирнов, Н.И. Сухов, Л.В. Фирсова и др.). На сегодняшний день к наследию профессора обращаются, как правило, ученые-литературоведы, исследователи античной философии, а также представители религиозно-философского направления в науке. По большей части имя Боброва упоминается в работах по философии и литературе, реже – логике и психологии. Это связано с тем, что большинство произведений Боброва написаны именно в русле отечественной философии, литературы и просвещения, и примерно четверть приходится на долю психологии и педагогики. Среди психологических трудов Боброва наиболее известны «О самосознании» (1898), «Психогенезис внешнего мира» (1904), «Положение науки психологии в XVII столетии» (1911), «Историческое введение в психологию» (1916).

Целью исследования является описание и анализ философско-психологической системы критического индивидуализма, введение в фонд историко-психологических знаний наследия Е.А. Боброва. В связи с этим необходимо решить ряд задач: 1) определить теоретические предпосылки критического индивидуализма; 2) очертить весь круг идей Е.А. Боброва, провести анализ его работ; 3) изучить психологические воззрения Е.А. Боброва, определить их специфику в контексте отечественной истории психологии; 4) определить место теории критического индивидуализма среди других персоналистических концепций, разрабатывавшихся в отечественной науке первой половины XX в.

Основы научных воззрений Боброва сформировались под влиянием немецкого профессора, преподававшего в Дерптском университете, Густава Тейхмюллера – родоначальника неoleyбницианства в России. Также теоретические основания концепции критического индивидуализма Е. Боброва берут свое начало из трудов Аристотеля, Р. Декарта, Г. Лейбница. Основным положением является синтез Лейбницем идеи о неделимой субстанции, энтелехии Аристотеля с теорией индивидуального самосознания Декарта, а также учение о монадах как субстанциональном единстве вещества и формы, силы и энтелехии, тела и души.

Теория критического индивидуализма относится к персоналистскому, неoleyбницианскому направлению в науке. В центре этой концепции находится проблема познания личности, а также учение о мире как иерархии духовных субстанций, способных к взаимодействию. В рамках неoleyбницианского подхода российскими авторами разработан ряд теорий: «панпсихизм» А. Козлова и С. Аскольдова, «критический индивидуализм» Е. Боброва, «эволюционная монадология» Н. Бугаева, «монистический спиритуализм» Л. Лопатина, «интуитивизм» Н. Лосского и т.д. Отечественные персоналисты придерживались положения Лейбница о том, что противоположность между психическим (духовным) и материальным бытием – ложна и оба эти начала сводятся к единому бытию. В основе реальной действительности лежат индивидуальные духовные начала – монады, субстанции, при этом познанию каждой монады непосредственно доступна только ее собственная внутренняя жизнь [10].



Согласно представителям неолейбницианства, основным методом психологии является самонаблюдение, интроспекция. Познание стремится к истине, но истину во внешнем мире познать нельзя. Следует отыскивать идеи в своем разуме интроспективно, т.е. путем внутреннего воззрения самих себя. При отсутствии субъективного наблюдения объективные методы обеспечивают только вероятностные результаты, поэтому персоналисты убеждены, что в психологии невозможен строгий эксперимент и объективность знаний [8].

Бобров предостерегает психологов, которые увлекаются возможностью познать в эксперименте саму душу. Мы не можем определить порог, где и каким образом физическая энергия переходит в психическую. Душевную деятельность нельзя объяснить механически. Душа не познаваема внешними чувствами, ее можно познать только путем интроспекции [2].

Лейбниц полагал, что душа не имеет ни начала в прошедшем, ни конца в будущем, к ней не применимы ни пространственные, ни временные определения. Время и пространство – это только порядок вещей, устанавливаемый людьми, способ нашего воззрения на внешний мир [2].

Согласно концепции критического индивидуализма Е. Боброва, реально существуют только индивидуальные духовные субстанции, индивиды, обнаруживающие свою деятельную природу и таким образом создающие окружающую действительность. Отдельная субстанция не только представляет себе целый мир, но одновременно и представляет его собой. Каждая личность представляет собой нечто отдельное, абсолютный мир, к которому следует относиться с вниманием и уважением [2]. Этот тезис перекликается с положением Лейбница о том, что каждая монада несет в себе совершенство, свое собственное положительное содержание, причем таким образом, что это содержание есть потенциально весь универсум в целом.

Свою теорию Бобров называл критической, поскольку понимал внешний мир и используемые для его описания категории бытия (материю, пространство, время, движение) как идеи мыслящего субъекта, результат деятельности его сознания. Согласно данной концепции, «внешний мир есть призрак, явление, прочно обоснованное нашею собственной природою», за ним, как за символом, скрываются действительные существа, от которых мы получаем информацию в форме испытываемых нами ощущений [1, с. 50]. Но этот призрак есть нечто неизбежное для человека на данном этапе его пространственно-временной жизни. Философия, преодолевшая веру в материальность внешнего мира, и считающая его идеей или феноменом, является критической, она со времен Декарта признала единственное бытие в сознании человеком своего «Я», индивидуального самосознания.

Теория Боброва также является индивидуалистической, поскольку признает подлинным бытием только индивидуальные субстанции. «Так как в своем самосознании мы находим себя отдельными существами или индивидами, а критическое направление отнюдь не подрывает значение этого факта, то мировоззрение наше



может справедливо именоваться индивидуализмом, но только критическим, потому что оно есть результат всей предшествующей критики познания, т. е. всей истории философии», – заключает Бобров [5, с. 37].

Согласно критическому индивидуализму, человеческая личность представляет собой не единство материального и духовного компонентов, а множество «Я», где «Я» является самосознанием, единством индивидуального сознания [1]. В основе данной идеи лежит положение Лейбница о «саде монад», которое гласит, что «всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений», но каждая ветвь растений представляет собой еще один, подобный им, сад [7, с. 425]. При этом телесная субстанция представляет собой не просто скопление монад, а объединение с высшей монадой как доминирующей энтелехией, образующей духовное начало.

По Е. Боброву, все бытие материальных предметов сводится к нашим ощущениям и представлениям, т. е. все, что существует вне нас, признается деятельностью нашего ума. Но здесь закономерно возникает вопрос, на каком основании мы приписываем сочетаниям наших ощущений некоторую субстанциальную основу, что позволяет нам находить в них способность взаимодействовать с другими материальными предметами и влиять на нас самих. В своих трудах профессор Бобров детально обосновывал, каким образом разум человека приходит к признанию «нечто», которое лежит вне его «Я» (души), а также попытался определить психические элементы, из которых создается понятие внешнего мира.

Г. Лейбниц указывал в качестве исходной точки познания внешнего мира факт психического опыта. В переводе на язык современной психологии, этот факт – наличность в сознании в данный момент двух элементов: сознающего «Я» и какого-либо содержания сознания. Существует то, что человек сознает в себе, т. е. «Я», обладающее определенными содержаниями, а также различные феномены или явления, существующие в его духе [9]. Как и Лейбниц, Бобров считает, что всякий феномен имеет свою причину. Истинную причину всех феноменов следует искать в природе человеческого духа; т.е. дух является истинной основой феноменального мира.

Вслед за Лейбницем, Е. Бобров выводит понятие бытия из внутреннего опыта человека. С помощью своего воображения, фантазии мы создаем другие существа по аналогии с нашим «я», выносим эти образы за пределы своей субстанции и приписываем им такое же существование, как и наше. «Аналогизирование, проецирование представляют собой те деятельности души, с помощью которых бессознательно создается представление внешнего мира», – утверждает Бобров [5, с. 37].

Наше «Я» непосредственно осознает одно только субстанциальное бытие – свое собственное. Относя содержание своих деятельностей к предполагаемым внешним предметам, «Я» тем самым переносит понятие о субстанции с себя на эти предметы. Осознавая себя, как источник различных действий, душа приписывает способность к действию другим предметам внешнего мира.



Помимо индивидуально-личностных проблем Боброва интересовало учение о бытии, он уделял большое внимание анализу онтологических проблем. Из понятия бытия профессор выводит свою концепцию.

Важным представляется разработка Бобровым в рамках теории критического индивидуализма понятия «координального» бытия. Согласно профессору, можно выделить четыре вида бытия: идейное бытие (содержание познавательной деятельности души), субстанциальное бытие (непосредственное сознание «Я»), реальное бытие (функции сознания), и бытие координальное, которое соотносит все элементы сознания воедино. Бобров считал координацию высшей формой бытия, законом: логическим, психологическим и космическим; она господствует в мире, в душе и в мысли. Нет ни одного душевного акта, который не координировался бы с другими. Так каждая мысль (познавательный акт) соединяется с каким-либо чувством и с движением [3].

В своих трудах Е. Бобров детально анализирует категорию души (или «Я» в более широком смысле). Он определяет «Я» как точку соотношения, координации, общую для данного в сознании реального и идейного бытия, без координации с «Я» ничто не может быть сознаваемо и мыслимо. «Я» остается тождественным самому себе по качеству. Различие простирается лишь на функции души, или на содержание этих функций (идейное бытие). «Одно «Я» или личность отличается от другого «Я» или другой личности только по отношению к их деятельности» [3, с. 54].

Значение «Я» как особого элемента сознания, противоположного совокупности идейного и реального бытия, велико, но следует отметить и значение координации – основного признака живого, целостного сознания. Индивидуальное бытие означает единство «Я», его идейного и реального бытия. Следовательно, понятия индивидуального бытия и координации не могут возникнуть одно без другого [6].

Хотя при научно-психологическом анализе мы выделяем непосредственное самосознание из всех прочих явлений сознания, но это элементарное «я» неразрывно связано с явлениями сознания и в координации с ними образует единство, которое и образует категорию «душа». Душа представляет собой координальное бытие по отношению ко всем индивидуальным бытиям, т. е. отдельным актам сознания – ощущениям, движениям, понятиям, образам фантазии и т.д. [4].

Душа известна нам в одном экземпляре, мы непосредственно сознаем свое «я» и явления, неразрывно с ним связанные. Это координальное бытие получает в мышлении значение отдельности, особенности, индивида. Таким образом, понятие души в разуме становится индивидуальным бытием. Однако единое не может существовать без многого. Душа как единое заставляет мышление самой своей индивидуальностью признать существование многого, признать существование координации. Наряду с понятием нашей собственной души в мысли появляется понятие многих других душ, таких же, как наша собственная душа, послужившая прототипом для их создания [4].



Соотнося категории «души» и «многого» с точки зрения «единого», разум приходит к формированию понятия множественности индивидуальных душ. Если «душа» охватывает все проявления нашего сознания, все, что принадлежит нашему «Я», то все остальные души, находясь вне нашей души, представляют для нашей души нечто внешнее; это и есть для нашего «Я» внешний мир. Этот внешний мир не материален, но состоит из душ. Таким образом, совокупность всех душ как продуктов мысли воплощается в понятии мира; совокупность элементов сознания символизируется в разуме понятием души. Сравнивая это понимание с тем пониманием внешнего мира, каким мы пользуемся в нашем житейском обиходе, мы не можем не констатировать резкой разницы. Внешний мир в обычном, дофилософском понимании есть мир материальный, мир тел, а не мир душ.

Е. Бобров убежден, что целью дальнейшего психологического исследования должно быть решение проблемы о том, каким путем это первоначальное, душевное понимание внешнего мира превращается в дальнейшее понимание его как материального. К сожалению, профессор не оставил трудов, в которых детально бы прослеживался процесс постепенной материализации опыта внешнего мира.

Анализируя творческий путь и труды профессора, можно отметить, что Евгений Бобров был выдающимся ученым с энциклопедическими интересами, по своему складу он сравним с другими важными фигурами конца XIX – начала XX вв. Во-первых, Е.А. Бобров очень много писал – и как философ, и как публицист, и как литературный критик, и как историк психологии и педагогики. Профессор состоял в переписке с Н.Я. Гротом, П.П. Блонским, С.А. Розановым и другими известными учеными того времени. Во-вторых, Бобров преподавал в крупных университетских городах: Дерпте (ныне – Тарту), Казани, Варшаве, Ростове-на-Дону. В-третьих, он был известен как блестящий педагог и активный организатор студенческих кружков, объединений, научных семинариев.

Оригинальная концепция критического индивидуализма Е. Боброва является значительной составной частью русского персонализма и отечественной традиции психологического изучения личности. Данная теория относится к неолойбницанскому подходу и имеет свои отличительные особенности. Во многом теория Боброва схожа с идеями современной экзистенциальной психологии (признание уникальности и самоценности человеческой личности).

Мотивы критического индивидуализма пронизывают все работы Е. Боброва по философии, психологии, педагогике, особенно, до 1917 г. В годы советской власти, когда основное внимание стало уделяться истории материализма, а идеалистические воззрения подвергались гонениям, многие представители персонализма оказались забытыми. Анализ научного наследия профессора Е.А. Боброва дает возможность по-новому оценить закрытые по идеологическим соображениям, страницы в истории психологии.



### **Литература**

1. Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. – Казань, 1898.
2. Бобров Е.А. Историческое введение в психологию. – Ростов н/Д, 1916.
3. Бобров Е.А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев, 1894.
4. Бобров Е.А. Психогенезис внешнего мира // Вестник психологии. – 1904. – № 4. – С. 193–207.
5. Бобров Е.А. Философия и литература. – Казань, 1898.
6. Ивлева М.И. Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 4. – С. 35–40.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М.: «Мысль», 1982. – 636 с.
8. Прасолов М.А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. – СПб.: Астерион, 2007. – 354 с.
9. Сретенский Н.Н. Мир кажущийся и мир действительный / Харитес профессору Е.А. Боброву. – Варшава, 1913.
10. Шилкарский В.С. Типологический метод в истории философии. (опыт обоснования). Т. 1. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1916.